

VII. История идей

Леонид Люкс

Сергей Булгаков (1871-1944 гг.) о религиозном смысле революционных и тоталитарных идеологий: к семидесятилетию со дня смерти философа

В октябре 1917 г. в России возник первый в новейшей истории тоталитарный режим – утопия пришла к власти, как определили этот процесс русские историки Михаил Геллер и Александр Некрич¹. За несколько лет до того о возможности такого развития событий предостерегал ряд русских мыслителей, решительно выступавших против катастрофических последствий подобных утопических устремлений. Среди этих мыслителей были авторы изданного в 1909 г. сборника *Вехи*².

Авторы *Вех* беспощадно критиковали революционное нетерпение радикальной части русской интеллигенции, предостерегали общество от иллюзий, что в один миг можно построить рай земной, механически уничтожив «зло», олицетворением которого интеллигенция считала царизм. Авторам *Вех* было гораздо легче, чем многим их современникам, распознавать признаки надвигающейся катастрофы: некоторые из них сами определенное время придерживались мнения, что социальный рай на земле может быть построен лишь с помощью разрушения старого несовершенного мира. Бацилла бескомпромиссного утопизма была в них самих, так что они могли точно определить природу той душевной болезни, которая затем охватила многих представителей русской интеллигенции.

Такие авторы, как Сергей Булгаков, Семён Франк, Николай Бердяев и Пётр Струве в юности симпатизировали марксизму и даже принадлежали к числу его ведущих теоретиков. Однако через несколько лет они покинули марксистское движение и стали решительными противниками революционных соблазнов³. Все

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. М., 1990.

² Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. См. также: Reed Ch. Revolution and the Russian Intelligentsia 1900-1912: The *Vekhi* Debate and Its Intellectual Background. L., 1979; Brooks J. *Vekhi* and the *Vekhi* Dispute // Survey I. 1973. P. 21-50; Schlögel K. Jenseits des Großen Oktobers: Das Laboratorium der Moderne – Petersburg 1900-1921. Berlin, 1988. P. 74-90. Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века. Л., 1991. С. 126-147.

³ См.: Проблемы идеализма: сборник статей. М., 1902; Булгаков С. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896-1903). С.-Петербург, 1903; его же. Два града. Т. 1-2. М., 1911; его же. Ге-

четверо авторов предостерегали также от свойственного им ранее материалистического атеистического образа мыслей и стали инициаторами философско-религиозного ренессанса, охватившего часть русского образованного слоя в начале XX в.⁴ Через год после того, как в России разразилась революция, предсказанная ими в сборнике *Vexi*, упомянутые авторы вместе со своими единомышленниками выпустили в свет сборник статей о русской революции под названием *Из глубины* (*De profundis*)⁵, в котором они подвергли поразительно точному анализу причины и характер «апокалипсиса нашего времени» (В. Розанов)⁶.

В отличие от многих своих современников, они считали «исходной катастрофой XX в.» (определение Дж. Кеннана) не Первую мировую войну, а русскую революцию 1917 г. На самом деле: Первая мировая война произвела революцию в совершенствовании технологий массовых убийств и в развитии всеобщей мобилизации силовых резервов воюющих стран. Однако воюющие нации преследовали конвенциональные цели – война была продолжением традиционной великодержавной политики. Вооруженная борьба шла в основном на фронте. Первая мировая война была практически новой разновидностью традиционных европейских войн за гегемонию и не открыла новой главы в истории континента. Это сделала лишь большевистская революция, которая и ознаменовала начало «короткого» XX века⁷. Это было ясно многим русским мыслителям, в непосредственной близости наблюдавшим начавшуюся в 1917 г. русскую катастрофу.

Особенно тонко чувствовал это «аполитичный» философ и богослов Сергей Булгаков, интересы которого были в первую очередь сосредоточены на метафи-

роизм и подвижничество // *Vexi*. С. 23-69; Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Там же. С. 1-22; Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Там же. С. 156-174; Франк С.Л. Этика нигилизма // Там же. С. 175-210.

⁴ Маковский С.К. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962; Гершензон М. Творческое самосознание // *Vexi*. С. 92-92; Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. Нью-Йорк, 1956. Т. 1. С. 195-196; Pipes R. Struve: Liberal on the Right 1905-1944. Cambridge Mass., 1980. P. 66-114; Scherrer J. Die Petersburger Religiös-Philosophischen Vereinigungen: Die Entwicklung des religiösen Verständnisses ihrer Intelligencija-Mitglieder, 1901-1917. Wiesbaden-Berlin, 1973; Burbank J. Intelligentsia and Revolution: Russian Views of Bolshevism 1917-1922. N.Y., Oxford, 1983. P. 131; Зернов Н. Русское религиозное возрождение; Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951; Бердяев Н. Самопознание: опыт философской автобиографии. Париж, 1949; его же. Типы религиозной мысли в России / его же. Сочинения. Т. 3. Париж, 1989; Штейнберг А. Друзья моих ранних лет (1911-1928). Париж, 1991. С. 12; Булгаков С. Слова. Поучения. Беседы. Париж, 1987. С. 524.

⁵ Из глубины: сборник статей о русской революции. М., Петроград, 1918; Из глубины. Париж, 1967; Из глубины. М., 1990.

⁶ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000.

⁷ Поэтому являются не достаточно убедительными отдельные попытки выявить своего рода преэминентность боевых действий в Первой и Второй мировых войнах. Сравн. среди проч.: Baberowski J., Doering-Manteuffel A. Ordnung durch Terror: Gewaltexzesse und Vernichtung im nationalsozialistischen und stalinistischen Imperium. Bonn, 2006. P. 19-20, 32-33; Baberowski J. Kriege in staatsfernen Räumen: Rußland und die Sowjetunion 1905–1950 // Formen des Krieges: Von der Antike bis zur Gegenwart / Ed. D. Beyrau, M. Hochgeschwender, D. Langewiesche. Paderborn, 2007. P. 291-309, цит. P. 292-293.

зических проблемах. Но именно поэтому он сразу же распознал истинное значение начавшихся в 1917 г. процессов, которые не только в корне изменили политико-социальные и экономические отношения, но и затронули глубинную суть человеческого бытия. Его анализу этих процессов и их идейных истоков посвящена эта статья.

«Идолопоклонство» русской интеллигенции

После разрыва с марксизмом, который Булгаков, так же как и другие авторы *Вех*, поначалу исповедовал, центральное место в его анализе кризиса современности занимали вопросы религии. Новое открытие для себя религии Булгаков рассматривал как возвращение к своим семейным корням: он был родом из семьи священника и должен был сам со временем им стать. Свой отход от веры, который произошел в молодости и продолжался около пятнадцати лет, до его тридцатилетия, Булгаков в дальнейшем рассматривал как позорную капитуляцию перед духом времени, как своего рода одержимость бесами. Свое вступление в воинственно-атеистической «орден» интеллигенции Булгаков сравнивает с духовным развитием других сыновей священников, таких как Н. Добролюбов и Н. Чернышевский, которые в 1860-е годы были наиболее влиятельными деятелями русского революционного движения. Так же как и они Булгаков потерял веру в Бога и поклонялся идолу «интеллигентщины». Позже он утверждал, что как часть «ордена» интеллигенции он взвалил на себя безмерную вину перед Россией за катастрофу 1917 г.⁸ Это шокирующее признание своей вины Булгаков сделал в начале 1940-х годов, примерно через четыре десятилетия после разрыва с «орденом».

Все эти десятилетия кредо интеллигенции постоянно находилось в центре внимания Булгакова, который, так же как Струве, Бердяев и Франк, долго пребывал под ложным обаянием ее взглядов. С особой проникновенностью Булгаков критикует кредо интеллигенции в своей статье 1909 г. в сборнике *Вехи* под названием «Героизм и подвижничество». Булгаков писал, что русская революция 1905 г. с ее огромной разрушительной силой была делом рук интеллигенции. «Русская революция была интеллигентской... Душа интеллигенции... есть вместе с тем ключ и к грядущим судьбам русской государственности и общественности»⁹.

⁸ Прот. Сергей Булгаков: автобиографические заметки (посмертное издание). Пред. и примечания Л.А. Зандера. Париж, 1946. С. 27-28. Николай Бердяев пишет в связи с этим: «Булгакова можно назвать кающимся интеллигентом, подобно тому, как когда-то были у нас кающиеся дворяне» (Бердяев. Типы религиозной мысли. С. 584).

⁹ Булгаков С. Героизм и подвижничество // Вехи. С. 24-25.

Однако в каком духовном состоянии пребывала интеллигенция как часть общества, столь важная для будущего России? Этот вопрос находится в центре внимания Булгакова. Особое его внимание привлекает своеобразная религиозность ордена интеллигенции. Он отмечает, что вопреки своему безбожному характеру кредо интеллигенции имеет однозначно религиозные черты. Обывательское самодовольство, мещанская погоня за материальными благами были интеллигенции чужды. Интеллигенция стремилась к освобождению человечества от страданий и не могла смириться с отсутствием мировой гармонии. Интеллигенция была аскетична, строга и готова к мученической смерти; она испытывала бесконечное чувство вины перед угнетенными народными массами и была готова самоотверженно бороться за освобождение народа.

Все эти особенности, свойственные христианским мученикам и религиозным фанатикам, интеллигенция сочетала с воинствующим атеизмом. Булгаков удивляется тому, что по этому вопросу внутри ордена, в иных случаях сотрясаемого бесчисленными политическими и идеологическими конфликтами, царило полное единогласие: «Нет интеллигенции более атеистической, чем русская... Традиционный атеизм русской интеллигенции сделался само собою разумеющею ее особенностью, о которой даже не говорят, как бы признаком хорошего тона... Веру эту разделяют и ученые и неученые, и старые, и молодые»¹⁰.

Интеллигенция считала себя единственным носителем света просвещения в варварской стране, – продолжал свою критику Булгаков. Преследования, которым интеллигенция подвергалась со стороны властей, вели лишь к росту ее самосознания, возвеличиванию ею своих героев, появлению фантастических представлений о спасении ею народа. При этом каждая группа внутри ордена имела свой собственный рецепт спасения человечества. Каждая партия была чрезвычайно нетерпима к внутреннему инакомыслию или взглядам конкурирующих групп, была уверена в собственной непогрешимости и совершенно недоступна для критики. Так как содержанием революционных движений было в первую очередь отрицание существующего статуса-кво, их истинный пафос был полон ненависти и жажды разрушения.

Приверженность все упрощающим рецептам спасения, революционной утопии и прямолинейности являлись для Булгакова, как и для Петра Струве, признаком духовной незрелости. В ордене интеллигенции задавала тон незрелая молодежь; другие части общества подпевали ей и пытались приспособиться к ее лексике. Горе стране, которая подчиняется незрелой молодежи и допускает «пэдократию» – господство детей. «Если в христианстве старчество является естественным воплощением духовного опыта и руководства, то относительно интеллигенции такую роль... заняла учащаяся молодежь. Духовная пэдократия – есть величайшее зло нашего общества, а вместе с тем и симптоматическое проявление интеллигентского героизма... Это уродливое соотношение, при котором

¹⁰ Там же. С. 30-31.

оценки и мнения 'учащейся молодежи' оказываются руководящими для старейших, перевертывает вверх ногами естественный порядок вещей и в одинаковой степени пагубно и для тех и для других», – подчеркивает Булгаков¹¹.

И другие современные Булгакову мыслители сообщали о потворстве тогдашних политиков, прежде всего из лагеря либералов, революционной молодежи, о боязни этих политиков потерять авторитет в глазах членов ордена интеллигенции. Доказательством тому является высказывание руководителя партии конституционных демократов Павла Милюкова, что среди левых у него нет врагов¹².

Однако вернемся к критическому разбору Булгаковым кредо интеллигенции. Интеллигентский культ героев и мучеников он сравнивает с христианским мученичеством и религиозным рвением. Якобы спасители человечества из рядов интеллигенции верят только в самих себя как носителей Провидения; христианские же подвижники верят в Провидение Божие. Подвижник смиренно склоняется пред волей Божией, тем самым освобождая себя от героической позы. «Герой в христианстве – подвижник... Герой, ставящий себя в роль Провидения, благодаря этой духовной узурпации приписывает себе и большую ответственность нежели может понести, и большие задачи, нежели человеку доступны. Христианский подвижник верит в Бога-Промыслителя... Благодаря этому он сразу освобождается от героической позы и притязаний»¹³.

Булгаков считает смирение знаком духовной зрелости. «Смирение есть... первая христианская добродетель, но даже и вне христианства оно есть качество весьма ценное, свидетельствующее во всяком случае о высоком уровне духовного развития... И наоборот, самоуверенное самодовольство... есть верный и неприменный симптом научной незрелости или просто молодости». Смирение отличает, например, величайших ученых, смиренно пораженных масштабами ими непознанного, или гениальных художников, которые всегда не удовлетворены своей работой. Однако, «нет слова более непопулярного в интеллигентской среде, чем 'смирение'».

Интеллигенция самоуверенна, самодовольна и хочет изменить мир лишь своими собственными, весьма скромными силами. «Интеллигенция уверовала вместе с Руссо ..., что естественный человек добр по природе своей и что учение о первородном грехе ... есть суеверный миф... Поэтому вообще никакой особой заботы о 'самоусовершенствовании' быть не может..., а вся энергия должна быть целиком расходуемая на борьбу за улучшение среды. Объявляя личность всецело ее продуктом, этой же самой личности предлагают и улучшать эту среду, подобно барону Мюнххаузену, вытаскивающему себя из болота за волосы»¹⁴. Человек представляет для интеллигенции лишь продукт общественного развития. Если

¹¹ Там же. С. 43-44.

¹² Франк С.Л. Крушение кумиров / его же. Сочинения. М., 1990. С. 119.

¹³ Булгаков. Героизм и подвижничество. С. 48-49.

¹⁴ Там же. С. 51.

учесть, что, по Булгакову, общество, в свою очередь, состоит из несовершенных людей, попытка интеллигенции усовершенствовать общество без совершенствования личности подобна вычислению квадратуры круга.

Булгаков указывает на то, что интеллигенция в своем отношении к простому народу находится между двумя крайностями: между благоговением перед народными массами и позой элиты, призванной освободить его от невежества. При этом интеллигенция упускает из виду, что между нею и народом существует глубокая пропасть: они абсолютно по-разному относятся к религии. «Народное мировоззрение и духовный уклад определяется христианской верой... Идеал (народа) – Христос и Его учение, а норма – христианское подвижничество... Поэтому и соприкосновение интеллигенции и народа есть прежде всего столкновение двух вер, двух религий, а влияние интеллигенции выражается прежде всего тем, что она, разрушая народную религию, сдвигает ее с незыблемых доселе вековых оснований»¹⁵.

Булгаков справедливо предупреждает о разрушительных последствиях этого столкновения; безусловным подтверждением его правоты стала русская катастрофа 1917 года. Соответствующие пассажи его статьи из *Vex* звучат почти пророчески: «Разрушение в народе вековых религиозно-нравственных устоев освобождает в нем темные стихии, которых так много в русской истории... В исторической душе русского народа всегда боролись заветы обители преп. Сергия и Запорожской сечи или вольницы, наполнявшей полки самозванцев, Разина и Пугачева... Эти грозные,... стихийные силы... с трудом преодолевались русской государственностью,... но они не были ею вполне побеждены. Интеллигентское просветительство... пробуждает эти дремавшие инстинкты и возвращает Россию к хаотическому состоянию»¹⁶.

Этот точный диагноз имеет, однако, и менее убедительный аспект. Булгаков, как и до него Достоевский, был склонен преувеличивать религиозность русского народа. При этом он не учитывал, что вера русских крестьян в Бога была непосредственно связана с их верой в православного царя как заместителя Бога на земле. Крестьяне, одетые в солдатские шинели, сражались «за веру, царя и отечество» – эти понятия перечислялись и даже воспевались в народных песнях именно в такой последовательности.

В начале XX в. произошла эрозия веры в царя. Надежды крестьянства на достижение социальной справедливости теперь связывались не с царем, а с революцией. Эту смену парадигм можно было наблюдать во время революции 1905 г. и после нее. Поведение крестьян на выборах Первой и Второй Государственной Думы 1906-1907 гг., когда крестьяне выбирали не монархистов, а революцион-

¹⁵ Там же. С. 62-63.

¹⁶ Там же. С. 64-65.

ные партии, лишь подтверждает этот факт¹⁷. Эрозия веры в царя почти принудительно вела к потрясению религиозных представлений крестьянства.

Булгаков, несомненно, прав, когда связывает эрозию изначальных религиозных представлений народных масс с воздействием интеллигенции. В работе 1908 г. «Религия человекобожия у русской интеллигенции» он отмечает, что неустанная просветительская работа интеллигенции увенчалась успехом. Народ принял мировоззрение интеллигенции, получил от нее «сознательность» и приобрел гибельную для него веру в неверие. Этот пропагандистский успех интеллигенции Булгаков объясняет тем, что народ, мировоззрение которого остановилось в X веке в эпоху Владимира Святого, не мог создать действенного механизма защиты от ордена интеллигенции; народ был духовно беззащитен. Если интеллигенция своей просветительской работой полностью разрушит исконные моральные ценности народа, это приведет к непредсказуемым последствиям для России. Поэтому Булгаков выступает за иные формы просветительства, которые не влияли бы на изначальное мировоззрение русских народных масс¹⁸.

Но эту задачу едва ли можно было решить. Несмотря на их духовную укорененность в допетровском мире, народные массы так или иначе находились в постоянном соприкосновении с современностью. Попытки таких консервативных русских политиков, как обер-прокурор Святейшего Синода Константин Победоносцев, «подморозить» Россию и оградить простой народ от «разлагающего» влияния современного мира¹⁹ были изначально обречены на провал.

Чтобы выдержать международную конкуренцию и оставаться великой державой, Россия должна была встать на путь модернизации; это требовало и модернизации мировоззрения всех ее граждан, включая крестьян. Это было ясно, например, Сергею Витте – самому значительному реформатору царской империи на рубеже XIX-XX вв. В 1898 г. Витте указал царю Николаю II на необходимость поднятия образовательного уровня «низов». Простой народ утратит свою изначальную наивность, однако это неизбежно. Народ должен учиться ходить самостоятельно, даже рискуя время от времени падать. Только просвещенное население будет стремиться увеличить свои богатства и, тем самым, способствовать процветанию государства²⁰.

То, что неизбежный процесс просвещения в итоге приведет к разрушительным для России последствиям, как того опасался Булгаков, было заранее не предо-

¹⁷ См.: Милюков П. Воспоминания (1859-1917). N.Y., 1955. С. 350-424; Маклаков В. Из воспоминаний. N.Y., 1954. С. 359-362; Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. L., 1990. С. 233-364; Булгаков. Автобиографические заметки. С. 80-81.

¹⁸ Булгаков С. Религия человекобожия в русской революции // его же. Два града: исследования о природе общественных идеалов. М., 1911. Т. 1-2. Т. 2. С. 128-168.

¹⁹ См. также: Burnes R. F. Pobedonoscev: His Life and Thought. Bloomington, 1968; Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 410-424; Rogger H. Russia in the Age of Modernisation and Revolution 1881-1917. L., N.Y., 1983. P. 8.

²⁰ Витте С. Воспоминания. Берлин, 1922. Т. 1-3. Т. 2. С. 467-472.

пределено. Сумей политический класс России, причем не только интеллигенция, но и представители правящего сословия, избежать ряда грубейших ошибок, не исключено, что русскую катастрофу удалось бы предотвратить.

Социализм как антирелигиозная вера

Булгаков как бывший марксист подвергал острой критике не только кредо русской интеллигенции, но и мировоззрение своего прежнего кумира Карла Маркса. Не только среди интеллигенции, но и среди социалистов Булгаков решительным образом отвергал прежде всего безбожие, попытку спасти человечество без всякой опоры на трансцендентность. В 1906 г. Булгаков посвятил основоположнику марксизма длинный трактат под названием *Карл Маркс как религиозный тип*. «Какому богу служил он своей жизнью? Какая любовь и какая ненависть зажигали душу этого человека?», – задается вопросами Булгаков²¹. Булгаков признает, что эти вопросы были важны для него и по личным причинам, так как он много лет находился под гипнотическим влиянием этого мыслителя.

Сначала Булгаков рассматривает характер личности своего прежнего кумира, который, по совпадающим между собой сообщениям многочисленных свидетелей, имел много слабостей. Гнев и ненависть, месть и мелкая зависть определяли поведение Маркса гораздо сильнее, чем любовь к ближнему. Булгаков цитирует в этой связи русского публициста Анненкова, который называл Маркса «демократическим диктатором»²².

Люди служили для Маркса всего лишь инструментами, пишет Булгаков. Самоценность каждого человека не играла для него никакой роли; он мыслил абстрактными категориями, такими, как социальные группы или классы. Булгаков подчеркивает, что Маркса не интересовали судьбы отдельных людей. Внутренние сомнения, поиск высшего смысла человеческого существования были ему совершенно чужды – отсюда его безбожие.

В этой связи Булгакова особенно раздражало, что «Хотя Маркс был нечувствителен к религиозной проблеме, но это вовсе еще не делает его равнодушным к факту религиозности и существованию религии. Напротив, внутренняя чуждость... вызывает не индифферентизм, но прямую враждебность к этому чуждому и непонятному миру... Маркс относится к религии... с ожесточенной враждебностью, как боевой и воинствующий атеист, стремящийся освободить... людей от религиозного безумия, от духовного рабства. В воинствующем атеизме Маркса мы видим центральный нерв всей его деятельности»²³.

²¹ Булгаков С. Карл Маркс как религиозный тип. Париж, 1929. С. 4.

²² Там же. С. 7.

²³ Там же. С. 12-13.

Марксистская доктрина особенно четко подтвердила данное под влиянием Достоевского определение социализма как попытки людей «устроиться без Бога» и создать справедливый миропорядок, т.е. «рай на земле», – продолжает свою критику Булгаков. Маркс опирался на фейербаховскую критику религии, на его попытку заменить веру в Бога человекобожием. Отказ Фейербаха от трансцендентности Бога Маркс в дальнейшем еще более радикализировал. Критикуя небесное, Маркс хотел достичь всеобщего изменения миропорядка, превратить оружие критики в критику с оружием в руках. Его целью была всеобщая насильственная революция. Упразднение религии являлось одной из главных задач этой революции, так как, по Марксу, освобождение человечества невозможно без его освобождения от религии.

То, что написано Марксом по еврейскому вопросу, производило на Булгакова особенно отталкивающее впечатление. Маркс презирал не только христианство, но и иудаизм; освобождение от «еврейского духа» он считал условием освобождения человечества. «Ради чего же сын поднял руку на мать, холодно отвернулся от вековых ее страданий, духовно отрекся от своего народа?», – вопрошает Булгаков²⁴.

Страстная критика Булгаковым личности и учения своего бывшего духовного кумира во многих отношениях не вызывает возражений; но при этом она содержит некоторые недостаточно убедительные тезисы. Так, Булгаков, описывая слабости характера Маркса, оставляет без внимания тот факт, что и другие значительные, даже гениальные мыслители и художники, такие как Артур Шопенгауэр, Лев Толстой или же Федор Достоевский, вызывавший восхищение Булгакова, имели малоприятные и не всегда дружелюбные черты характера. Что же касается критики Булгаковым марксизма как системы, то она несколько односторонняя. А именно: Булгаков недооценивает амбивалентность, свойственную марксизму. Марксистская доктрина действительно содержит резко критикуемые Булгаковым диктаторские, утверждающие террор и насилие черты, которые позже в полной мере проявили себя в большевизме. С другой стороны, марксизм как двуликий Янус имел и эмансипаторские качества, что существенно способствовало росту самосознания обездоленных промышленных рабочих, а также решению рабочего вопроса, который в середине XIX в. казался неразрешимым. Эмансипаторскую традицию марксизма после раскола рабочего движения в XX в. продолжила социал-демократия.

После разрыва с марксизмом Булгаков наряду с анализом религиозных представлений Карла Маркса занимался изучением марксистского движения в целом. И в этих работах в центре внимания автора зачастую находятся религиозные аспекты или же проблемы взаимоотношений социализма и христианства. В своей

²⁴ Там же. С. 32.

опубликованной в 1909 г. статье о социализме и первохристианстве²⁵ Булгаков подчеркивает, что социализм – это первое массовое движение христианских народов, имеющее, с одной стороны, религиозные черты, с другой – являющееся сознательно антихристианским. Ранее антихристианские течения были ограничены кругом интеллектуалов. Лишь социализму удалось привлечь к атеизму широкие слои населения. Так как массы не могли постичь всей сложности научно-социалистической картины мира, социализм прежде всего представлялся им как вероучение. Таким образом, разногласия между христианством и марксистско-ориентированным рабочим движением сводились к столкновению между двумя разными религиями. Теперь социализм пытается заменить собой христианство и завоевать мир, как это около двух тысяч лет тому назад сделали христиане²⁶. Булгаков указывает, что христиане никогда не ставили под вопрос социалистические устремления, направленные на создание мира социальной справедливости. Социализм же христианство полностью отрицает и в агрессивной манере борется против главных положений его вероучения.

В то время как христианство ждет спасения от Бога, социализм хочет спасти людей исключительно с помощью акта человеческой воли. Эта социалистическая вера в богоподобие человека вызывает особое удивление: марксизм рассматривает людей лишь как часть материи, подчиненную железным законам природы. Однако это противоречие не препятствует всевластным фантазиям марксистов, которые действуют согласно девизу «князя мира сего» и провозглашают «царство человекобогов». Таким образом, по Булгакову, бесовское искушение марксизмом и социализмом прокладывает путь в царство антихриста²⁷.

В эссе «Апокалиптика и социализм»²⁸ Булгаков сравнивает хилиастические мечты социалистов с еврейским мессианством, также мечтающим о земном торжестве Мессии. При социализме, по Булгакову, речь идет о вырождающейся форме еврейского хилиазма – его секуляризации. Космологическо-богословская лексика еврейского мессианизма была переведена на язык политической экономики социализма²⁹. Однако этот тезис Булгакова весьма спорен. Как мог еврейский мессианизм после почти двух тысяч лет распространения христианства переживать свое возрождение, причем именно в христианских странах? Нельзя забывать, что в течение этих двух тысячелетий, особенно после миланского эдикта

²⁵ См. Булгаков С. Первохристианство и новейший социализм: религиозно-историческая параллель // Два града. С. 1-50.

²⁶ Там же. С. 4. В книге *Философия хозяйства* Булгаков пишет на эту же тему: «В основе социализма лежит несомненно ... вера в него, имеющая своеобразный религиозный оттенок ... Ценой философской канонизации Маркса ... экономический материализм ... превращается ... из научной теории ... в откровение, органом которого являются избранники – его пророки». Булгаков С. *Философия хозяйства*. М., 1912. С. 270-271, 319. См. также: Булгаков С. *От марксизма к идеализму: сборник статей (1896-1903)*. С.-Петербург, 1903. С. IX-X, 122-123, 247, 328.

²⁷ Булгаков. *Первохристианство*. С. 46.

²⁸ Его же. *Апокалиптика и социализм // Два града*. С. 51-127.

²⁹ Булгаков. *Апокалиптика*. С. 115-119.

императора Константина и после провозглашения христианства единственной государственной религией в Римской империи при императоре Феодосии, евреи, если не говорить о таких исключениях, как средневековая Испания, были жителями гетто, преследуемым меньшинством, которое практически не имело влияния в христианской среде. Когда евреи в конце XVIII и XIX в. на волне Просвещения покинули гетто, произошла не «иудаизация» христианских стран, где они жили, как это часто утверждается, а наоборот, включение евреев в культуру господствующего в обществе большинства. По всем этим причинам можно поставить под сомнение точку зрения Булгакова, также как и других авторов, которые говорят о чудесном возрождении еврейского мессианства в образе социализма. Более убедительными кажутся тезисы тех аналитиков, в которых социалистическая утопия самоспасения человечества соединяется с некоторыми христианскими традициями, например, с гностической ересью.

Русская революция как триумф антихриста

После своего разрыва с марксизмом Булгаков так и не нашел для себя новой «политической родины». В отличие от своего единомышленника Петра Струве, который после 1905 г. стал одним из лидеров конституционных демократов, а именно их правого крыла, Булгаков не идентифицировал себя ни с одной из политических партий – ни либеральных, ни консервативных. Тем не менее, в феврале 1907 г. он был избран депутатом Второй Государственной думы как беспартийный «христианский социалист».

Ни в одном из других избирательных периодов в истории предреволюционного русского парламентаризма парламент не был таким радикальным, как Вторая Государственная Дума. Почти половина депутатов (более 200) были социалистически ориентированы. Партии, составлявшие левую часть социалистического спектра (37 эсеров и 65 социал-демократов), даже одобряли применение революционного террора против существовавшего режима. При этом следует отметить, что в те годы террор достигал невиданных ранее масштабов: в 1906-1907 гг. террористы убили 4126 государственных служащих и 4552 ранили. В ответ на волну террора правительство Петра Столыпина применило жесткие меры: в 1906-1910 гг. военно-полевые суды вынесли 3825 смертных приговоров, 26 тыс. человек были отправлены на каторгу³⁰.

Столыпин требовал от Второй Думы осуждения революционного террора. Однако подавляющее большинство депутатов, в частности либералы из партии конституционных демократов, отклонили это требование. Этот отказ Столыпин использовал как повод для государственного переворота 2 июня 1907 г. – для роспуска Думы, принятия нового избирательного закона, значительно усиливающего

³⁰ Кулешов С. и др. Наше отечество. М., 1991. Т. 1-2, здесь: Т. 1. С. 238.

го позицию избирательной курии землевладельцев (выборы в России, как и в Пруссии, осуществлялись по нескольким избирательным куриям) и проведения новых выборов. В результате избранная на основе нового избирательного закона Третья Государственная Дума имела значительное консервативное большинство.

Для созерцателя-Булгакова работа во Второй Государственной Думе, хаотичной и мятежной, была сплошным мучением. Журналистка Ариадна Тыркова-Вильямс, писавшая о заседаниях Думы, сообщала, как неловко чувствовал себя Булгаков в атмосфере политического балагана, которая царила во Второй Думе: «В сутолоке Таврического Дворца С.А. Булгаков сжимался, проходил через парламентское торжище сторонкой, в кулуарах помалчивал... Влияния он не искал, но и над собой влияния не любил. Таким людям в партии тесно, скучно... Не долго продолжалась политическая деятельность этого богато одаренного мыслителя. Его мысли вздымались выше. Внутренне он уже тогда готовился к высокой пастырской деятельности»³¹.

Булгаков так описывал свой думский опыт: «Четырехмесячное сидение в ‘революционной’ Гос. Думе совершенно и окончательно отвратило меня от революции... И это было понятно. Нужно было пережить всю безнадежность, нелепость, невежественность, никчемность этого собрания, в своем убожестве даже не замечавшего этой своей абсолютной непригодности ни для какого дела, утопавшего в бесконечной болтовне, тешившего самые мелкие тщеславные чувства. Я не знавал в мире места с более нездоровой атмосферой, нежели общий зал и кулуары Гос. Думы, где потом достойно воцарились бесовские игрища советских депутатов»³².

Булгаков, несмотря на свое неприятие революции, сначала не был готов примириться с самодержавием. Даже будучи депутатом Второй Думы, он не изменил прежнего отношения к царской автократии. Он писал, что «самодержавие – это полиция, жандармы, тюрьма, ссылка, придворные, ни для кого ненужные... приемы и парады и убийственная жестокость к русскому народу»³³.

Лишь через несколько лет, в конце первого десятилетия XX в., позиция Булгакова стала меняться. Об этом он пишет в начале 1940-х годов в автобиографических записках: «В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти... Там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божией милостью, а не народным произволением... Безбожная демократия, на которой утверждается духовно революция, несовместима с теократической природой власти, здесь водораздел: или с Царем или... против Царя. А вся русская революция... всегда была *против Царя*»³⁴.

³¹ Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Л., 1990. С. 349.

³² Булгаков. Автобиографические заметки. С. 80.

³³ Там же. С. 75.

³⁴ Там же. С. 82.

Булгаков подчеркивает, что это открытие сакральных корней царской власти никоим образом не вело к тому, что он признал фактическое состояние, в котором тогда находилось самодержавие. Он решительно осуждал полицейский произвол, черносотенство, скандальную зависимость царской семьи от целителя Распутина, преступное безволие царя: «Все царствование Николая... было сплошным и непрерывным самоубийством самодержавия... К несчастью революция была совершена помимо всяких революционеров самим царем, который влекся неудержимо злой силой к самоубийству своего самодержавия»³⁵.

Несмотря на все эти неприятные симптомы, Булгаков, после своего обращения к монархии, был не готов отказаться от идеального образа русского самодержавия. Черты этого идеала он видел и в «реально существующем» царизме. Однако в тогдашней России такая его установка была проигрышной. С начала Первой мировой войны прошло не более года, когда неприятие царской семьи, не в последнюю очередь вследствие распутинщины, приняло в стране беспрецедентные масштабы. Не только левые и либеральные партии, но и правые группировки и даже некоторые придворные круги хотели избавиться от господствующей династии и планировали дворцовый переворот. Вся Государственная Дума «от Пуришкевича до Милюкова принимала революционный характер», – пишет Булгаков³⁶. Позицию национально-ориентированных сил, желавших вести войну до победного конца, он резюмирует так: «Русское дело в неверных руках, и эти руки надо устранить во имя победы, для спасения родины»³⁷.

Атмосферу, в которой пребывала Россия после свержения династии Романовых, Булгаков считал своего рода коллективным безумием. Поэтому он ушел из повседневной жизни и занимался в основном работой Всероссийского Поместного Собора Православной Церкви, которая после свержения царя короткое время пользовалась неограниченной свободой и восстановила патриаршество, отмененное Петром Первым.

В качестве основной причины своей готовности теперь полностью идентифицировать себя с церковью, Булгаков называет освобождение церкви от ранее доминировавшей в ней «цезаро-папистской» системы³⁸. Тем более что после захвата власти большевиками русская православная церковь превратилась из господствующей в гонимую. В этой ситуации он решил стать священником. 9 июня 1918 г. в Москве 47-летний Булгаков был рукоположен в сан священника. Тем самым после тридцатилетнего перерыва семейная традиция продолжилась.

Хотя с тех пор внимание Булгакова привлекали в основном богословские вопросы (он стал одним из самых значительных, хотя и не бесспорных, русских богословов), он интенсивно анализировал все политические и идеологические

³⁵ Там же. С. 74.

³⁶ Там же. С. 87.

³⁷ Там же. С. 89.

³⁸ Там же. С. 38.

последствия начавшейся в 1917 г. русской трагедии. Это доказывает его статья, опубликованная в мае 1918 г. в инициированном Петром Струве сборнике *Из глубины*³⁹. Текст Булгакова, озаглавленный «На пиру богов», состоит из диалогов. Эти диалоги по своей сути тесно связаны с «Тремя разговорами» Владимира Соловьева 1900 г., в конце которых идет ставшая знаменитой «Краткая повесть об антихристе»⁴⁰. Проводя аналогию с «Тремя разговорами», Булгаков стремится донести до читателя свое послание: объявленный Соловьевым апокалипсис состоялся, соловьевский антихрист, явившийся в Иерусалиме, в настоящее время действует в России.

Некоторые герои «Трех разговоров» переживают свое квази-возрождение «На пиру богов». Так, в обоих диалогах участвует верный царю боевой «Генерал». И там и там есть русские «западники» («Политик» у Соловьева и «Дипломат» у Булгакова). Роль таинственного господина «Z», рассказывающего в «Трех разговорах» о прибытии антихриста, «На пиру богов» исполняет фигура, названная Булгаковым «Беженец». Примечательно, что в диалогах Булгакова не хватает образа толстовца. У Соловьева это – «Князь», который считает, что зло, даже в худших случаях насилия, можно умиротворить добром. Оргия насилия, захлестнувшего Россию в 1917-1918 гг., ясно показала наивность этой позиции, спорить с которой, Булгаков, по-видимому, считал излишним. Наконец, в булгаковских «современных диалогах» нет соловьевской салонной «Дамы»: русский апокалипсис никоим образом не являлся адекватным фоном для салонных разговоров. Однако в диалогах «На пиру богов» участвуют три фигуры, отсутствующие в «Трех разговорах»: «Писатель-славянофил», «Общественный деятель» и «Светский богослов».

Почему же пророчество Соловьева так быстро, через 17 лет после его появления, в основном осуществилось? Почему оно стало реальностью в первую очередь в России? Этот вопрос находится в центре внимания автора диалогов «На пиру богов», который то прямо, то косвенно касается темы, затронутой Соловьевым. Так, например, булгаковский «Дипломат» занимает, в сущности, ту же позицию, что и «Политик» у Соловьева. Оба они – убежденные европейцы и верят в благотворное влияние европейской культуры на народы мира.

Европеизацию соловьевский «Политик» приравнивает к преодолению варварства, проявлением которого он считает войну. Он убежден, что европейские народы уже достигли такой зрелости цивилизации, что война для них больше не является способом решения конфликтов: война в Европе «имела бы характер междоусобия, во всех отношениях непростительного при возможности мирного улаживания международных споров... Военный период истории кончился... Я твердо уверен, что ни мы, ни наши дети больших войн, настоящих войн не уви-

³⁹ Булгаков С. На пиру богов: pro и contra. Современные диалоги // Из глубины: сборник статей о русской революции. Париж, 1967. С. 111-169.

⁴⁰ Соловьев В. Три разговора. Нью-Йорк, 1954.

дим, а внуки наши и о маленьких войнах – где-нибудь в Азии или Африке – также будут знать только из исторических сочинений»⁴¹. Европейская идея мирного решения конфликтов в дальнейшем завоюет весь мир, продолжает свои рассуждения «Политик»: «Теперь наступает эпоха мира и мирного распространения европейской культуры повсюду. Все должны стать европейцами»⁴².

Если учесть, что выдуманная Соловьевым фигура «русского европейца» делала свое предсказание в 1900 г., накануне самых разрушительных войн в новейшей истории, эти рассуждения звучат особенно странно. Такой «триумфализм» определенным образом напоминает образ мысли философа Фрэнсиса Фукуямы, который 89-ю годами позже писал о «конце истории», то есть об окончательной победе западного мировоззрения. Как известно, и этим прогнозам не суждено было осуществиться, не в последнюю очередь в связи с террористическими актами 11 сентября 2001 г.

Тот факт, что «европейский порядок», столь высоко ценимый соловьевским «Политиком», в 1914 г. рухнул, булгаковский западник-«Дипломат» рассматривает как свою личную трагедию: «А уж если бы я умел плакать, то давно выплакал бы все свои слезы года четыре назад, когда только загорался мировой пожар. Уже тогда мне стало ясно: чего будет стоить эта война и России, и тому, что мне дороже России, – я не скрываюсь, но горжусь это признать, – Европейскому миру... Поэтому я ношу траур на сердце с самого 1914 года – стыдно признаваться в сентиментальности, но ведь и самые трезвые люди бывают иногда сентиментальны и суеверны даже. Тогда именно и загорелся мой дом, моя святыня, европейская цивилизация, а от нее запылала и наша соломенная Россия. Раньше еще возможно было вводить войну почти в повседневное употребление, тогда были другие нервы и другие нравы: резали друг друга во славу Божию, а для теперешней Европы война невыносима и преступна, она есть мерзость пред Господом, и в этом сплошном безумии и падении я не вижу никакого просвета»⁴³.

Единственный луч света, который видит «Дипломат» в этой катастрофе, это день 2 марта 1917 г., когда вследствие войны и революции была свергнута династия Романовых: «Ветхий трон разлетелся в тысячу щеп... к прошлому... возврата не будет. И день 2 марта 1917 года навсегда для меня останется светлою датой»⁴⁴.

Такое прославление Февральской революции вызывает возмущение другого героя «На пиру богов» – «Генерала»: «Для меня он был одним из самых ужасных, самых тягостных дней жизни, воистину смертный день... И тогда для меня стало сразу же ясно, что война окончена и бесповоротно проиграна, что погибла наша Россия». Свержение царя «порвало внутреннюю связь России, ее истори-

⁴¹ Соловьев. Три разговора. С. 94-95.

⁴² Там же. С. 125.

⁴³ Булгаков. На пиру богов. С. 113, 116.

⁴⁴ Там же. С. 124.

ческую скрепу, определяющую форму жизни... Россия есть царство, или же ее вообще нет»⁴⁵. Россия «конституционно-демократическая», скроенная по западному образцу, не соединима с русской традицией, продолжает генерал. Не удивительно, что русские крестьяне и солдаты ее отвергли. Своими оторванными от жизни проектами и бесконечной болтовней демократы развалили армию. «Русское войско держалось двумя силами: железной дисциплиной, без которой не может существовать никакая армия, да верой... Содержание же этой солдатской веры известно, оно в трех словах: за веру, царя и отечество... Вера православная, царь православный, земля тоже православная»⁴⁶. Отказавшись от исторической преемственности, русские демократы разрушили солдатскую веру, а вместе с ней армию. Поэтому для «генерала» лучше уж большевики: «им за один разгон Учредительного Собрания, этой пошлости всероссийской, памятник надо возвести»⁴⁷.

Страстную проповедь «Генерала» решительно отвергли как русский европеец-«Дипломат», так и два других участника дискуссии – «Общественный деятель» и «Писатель-славянофил». Они считали монархию в том состоянии, в котором она пребывала накануне Февральской революции, нежизнеспособной и окончательно скомпрометированной распутинщиной. Февральская революция, несмотря на ее неудачу в силу ряда ошибок и слабости ее лидеров, была неизбежна и полезна.

Какую позицию занимал сам Булгаков в этом споре? Из его автобиографии видно, что он не участвовал в начавшемся в феврале 1917 г. «празднике Свободы». Восхищение Февральской революцией, свойственное некоторым главным героям «На пиру богов», было ему чуждо. Но и абсолютная самоидентификация со старым режимом, характерная для «Генерала», была несовместима с позицией Булгакова. Несмотря на свой разрыв с интеллигенцией, он не превратился в не-критичного монархиста.

На первый взгляд кажется, что «Светский богослов», также присутствующий «На пиру богов», – это «alter ego» Булгакова. «Богослов», подобно Булгакову, страстно полемизирует с точкой зрения интеллигенции и сравнивает ее с еврейским мессианизмом (см. также статью Булгакова «Апокалиптика и социализм»). Как и Булгаков, «Богослов» надеется, что религиозные устремления интеллигенции в итоге все же приведут ее к христианству. Факт, что «Богослов» считает освобождение русской православной церкви от государства единственным достижением Февральской революции, напоминает точку зрения Булгакова.

Однако в какой-то момент кажется, что пути Булгакова и его литературного отражения расходятся. Так, «Богослов» полагает, что именно теперь, после освобождения русской православной церкви от унижающей ее зависимости от царя, она могла бы на самом деле позаботиться о своей чистоте. С ним не согласен

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. С. 128.

⁴⁷ Там же. С. 124-125.

«Беженец» – еще один персонаж «На пиру богов», во многом, как уже было сказано, напоминающий таинственного господина «Z» из «Трех разговоров»; в уста господина «Z» Соловьев вкладывает свое ощущение грядущего явления антихриста. Булгаковский «Беженец» продолжает эту тему. Но он говорит не о грядущем, а о уже явившемся антихристе. Русский апокалипсис означает закат существующей эпохи, конец света, который затем распространится на все другие страны. Перед лицом этого триумфа врагов Господних все христианские конфессии должны объединить свои силы, чтобы вместе бороться против «князя мира сего».

Таким образом, положения «Богослова», который настаивает на чистоте православия, устаревают перед лицом новых угроз. Предложенная «Беженцем» стратегия сопротивления приближается к той, которую описывает Соловьев в «Повести об Антихристе». В ней лидеры основных христианских конфессий (католики, православные и протестанты) преодолели свои разногласия, чтобы совместными усилиями не допустить окончательного торжества антихриста. Такого же сближения церковей требует и «Беженец», так как с его точки зрения страшные видения Соловьева стали реальностью. Не в последнюю очередь поэтому все попытки предотвратить в России торжество зла провалились. За победоносным большевизмом «Беженец» видит таинственные, невидимые силы, которые влекут к себе, несмотря на все попытки им противостоять, и ведут Россию в пропасть: «Большевизм торжествует повсюду и с головой выдает Россию врагу. При этом большевикам всюду бешено везет, и заранее обречены на неудачу все попытки им противодействовать. Конечно, во всем этом роковом сцеплении обстоятельств возможно видеть и грех власти, и темноту народа, и даже прямой вражеский план. Но я не могу отделаться от той мысли, что здесь действует и какая-то невидимая рука, которой нужно связать Россию, осуществляется какой-то мистический заговор, бдит своего рода черное провидение: 'Некто в сером' (обозначение антихриста. – Л.Л.), кто похитрее Вильгельма, теперь воюет с Россией и ищет ее связать и парализовать. Чем-то она мешает тому, кто рвется к жадному господству над миром»⁴⁸.

Беспримерный взлет большевиков, проделавших за 8 месяцев путь от политических маргиналов до единовластных правителей одного из величайших государств мира, мог действительно создать впечатление, что случилось это лишь потому, что в этой драме участвовали мистические силы. Тем более, что в течение этих 8 месяцев большевики не раз стояли на грани полного провала, в частности тогда, когда национально ориентированные силы России обвинили их в сотрудничестве с врагом и доказали это обвинение документально. Или тогда, когда организационная инфраструктура большевиков после неудачной попытки государственного переворота в июле 1917 г. была в значительной мере разруше-

⁴⁸ Булгаков. На пиру богов. С. 132.

на. Несмотря на балансирование на краю пропасти, Ленин, в конечном итоге, смог стать «победителем истории».

Аналогичным образом дело обстояло с Гитлером в Германии. Казалось, что его политическая карьера после шумного провала мюнхенского «пивного путча» 9 ноября 1923 г. завершилась. Когда же затем гитлеровская партия НСДАП на выборах в сентябре 1930 г. увеличила число своих сторонников с 2,5% до 18%, а в июле 1932 г. до 37%, можно было впасть в соблазн, как это было с победой большевиков в 1917 г. в России, и приписать этот успех некой невидимой мистической силе. Но более правдоподобны объяснения иного рода, анализирующие эти процессы, прежде всего, с исторической, политической и социально-психологической точки зрения. Как захват власти большевиками в России, так и приход к власти нацистов в Германии сопровождались беспрецедентным разложением демократических структур и беспримерным кризисом идентичности обоих государств.

Первая русская демократия, как и первая германская демократия, были побеждены не столько силой своих тоталитарных врагов, сколько пали вследствие внутренней слабости и отсутствия воли к сопротивлению. Немецкий историк Конрад Хайден говорил в связи с триумфом Гитлера о времени безответственности, о предательстве политических элит Германии, которые вместо того, чтобы защищать государство, передали его в руки его злейших врагов⁴⁹. Об аналогичном предательстве можно говорить и в связи с триумфом большевиков в 1917 г.

Активизация тоталитарных движений происходила в социальном климате, который некоторые современники определяли как состояние бреда. Знарок итальянского фашизма и коммунист-диссидент Анджело Таска в 1938 г. так описал это состояние: реакции в этой атмосфере – чрезмерны, чувство меры – утрачено. Бред превратился в норму и стал зловеще независим. Фашизм – это не только военный психоз, он был одним из самых тяжелых явлений в социальной патологии⁵⁰.

Консервативный критик Гитлера Герман Раушнинг со своей стороны анализирует духовный климат Веймарской республики, который благоприятствовал росту популярности Гитлера. Нарисованная им в 1941 г. картина удивительным образом совпадает с описанием Таски: мифы и легенды о поражении 1918 года привели Германию в состояние, которое можно назвать разновидностью сумасшествия. Даже самые благородные планы и действия не могут помешать народам, находящимся в этом состоянии, продолжать свой марш в пропасть⁵¹.

Сложившуюся в России в 1917 году атмосферу, создавшую благоприятные условия для взлета большевиков, можно описать такими же словами. Для того чтобы изучать ее адекватно, не обязательно прибегать к мистике; для этого есть по-

⁴⁹ Heiden K. Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Zürich, 1936.

⁵⁰ Tasca A. Glauben, Gehorchen, Kämpfen. Aufstieg des Faschismus. Wien, 1969. P. 378.

⁵¹ Rauschning H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941. P. 262-263.

литические, исторические, социально-экономические и психологические объяснения.

Полемика Булгакова с антихристианством нацизма

Сразу же после своего рукоположения в сан священника в июне 1918 г. Булгаков покинул Москву и отправился в Крым, где находилась его семья. Здесь он провел четыре с половиной года жизни и стал свидетелем смены властей: немцев, французов, большевиков, белых, и, наконец, после поражения армии генерала Врангеля в ноябре 1920 г., возвращения власти большевиков и жестокого красного террора, обрушившегося, прежде всего, на головы тысяч пленных солдат и офицеров белой армии. Все эти годы Булгаков был священником в соборе Ялты и профессором университета в Симферополе. Он воздерживался от всякой политической деятельности. Тем не менее, Булгаков разделил судьбу многих других представителей интеллектуальной элиты России и в 1922 г. был изгнан из страны.

В конце декабря 1922 г. на корабле, на котором Булгаков плыл в Константинополь, он написал своего рода «прощальное письмо» России. Он считал, что это была неизбежная и, вероятно, даже полезная для него высылка: «Страшно написать это слово, мне, для кого еще два года назад во время всеобщего бегства экспатриация была равна смерти. Но эти два года не прошли бесследно: я страдал и жил, а вместе с тем и прозрел, и еду на Запад не как в страну 'буржуазной культуры' или в бывшую страну 'святых чудес', теперь 'гниющую', но как в страну еще сохранившейся христианской культуры и, главное, место святейшего Римского престола и вселенской католической церкви – 'Россия', гниющая в гробу, извергла меня за ненадобностью, после того как выжгла мне клеймо раба»⁵².

Жизнь в эмиграции Булгаков рассматривал, как следует из его «прощального письма», как новое начало, с которым он связывал многие свои надежды. Он и в самом деле пользовался в русских эмигрантских кругах значительным влиянием, что выразилось, прежде всего, в том, что в 1925 г. митрополит русской православной церкви во Франции Евлогий назначил его деканом тогда основанного Свято-Сергиевского православного богословского института⁵³. Булгаков руководил этим институтом до 1944 года. Под его началом Свято-Сергиевский институт в Париже стал одним из наиболее значительных российских научных учреждений, причем не только в эмиграции, но и во всем русскоговорящем мире: в самой

⁵² Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ 1921-1923. М., 2005. С. 7-8.

⁵³ Бобринский Б. Преподобный Сергей в Париже. Санкт-Петербург, 2010. С. 161-185, 683-684; Воспоминания Митрополита Евлогия. Париж 1946. С. 446-453; Зернов. Русское религиозное возрождение. С. 241.

России после установления большевистской диктатуры свободное научное творчество стало, в сущности, невозможным.

Теология Булгакова, примыкающая к разработанному Соловьевым учению «софийности», была, как уже говорилось, довольно спорной. Однако не богословские системы, а противостояние Булгакова тоталитарным идеологиям и их псевдорелигиозным претензиям является предметом нашего исследования. Борьба Булгакова против искушений левого тоталитаризма была уже подробно описана в этой статье. Находясь на Западе, Булгаков выступает теперь против установления здесь диктатур правого толка, особенно против тоталитарных устремлений нацистов, которые на основе разработанной ими расовой теории хотели совершить новый акт Творения. Булгаков, особенно после 1941 года, когда на оккупированных нацистами территориях началось массовое уничтожение евреев, вел активную полемику с идеологами не имевшей прецедентов революции, которая потрясла европейскую культуру, построенную на фундаменте иудео-христианских принципов.

В своем созданном в 1941-1942 гг. труде «Расизм и христианство» Булгаков дает подробный критический анализ *Мифов XX века* Розенберга и *Майн кампф* Гитлера. В обеих этих книгах, как и в нацистской идеологии как таковой, он видит как никогда ранее опасный вызов, брошенный христианству. Булгаков считает, что нацистская идеология «злее прямого воинствующего безбожия французских энциклопедистов, ненависти к святыне марксистов и варварства большевизма», так как она не противопоставляет христианской вере пустоту безверия, а борется с христианством, создавая свою псевдоцерковь, так называемую «немецкую национальную церковь». Так как нацизм облачается в псевдодуховные одежды, он отравляет души людей даже больше, чем большевизм, который лишь подавляет духовную жизнь⁵⁴.

Особенно опасным считает Булгаков тот факт, что нацистская идеология прямо не отрицает основ христианства, но кощунственно стремится очистить его от так называемых «еврейских элементов» – от Ветхого Завета, учения Св. Павла, от любви к ближнему, от креста, считая его символом «рабской покорности», а затем, после «чистки», соединить христианство с расовой теорией. Необузданную ненависть нацистов к евреям Булгаков объясняет их безмерной завистью к избранникам Божиим, место которых, уничтожив евреев, они сами хотели бы занять: «Такая претензия есть притязание исторических выскочек, которых не существовало в историческом вчера, т.е. во всей древней истории, и которые могут прекратиться в историческом завтра. Этим обличается и вся пустота этой притязательности, вместе с ее безмерностью»⁵⁵.

Напомним, что в конце сентября 1941 года, когда Булгаков писал о самовосхвалении нацистами своей нордической или германской расы, германские войска

⁵⁴ Булгаков С. Христианство и еврейский вопрос. Париж, 1991. С. 33, 117.

⁵⁵ Там же. С. 58, см. также: С. 34, 64, 89.

захватили почти весь европейский континент. Существовала реальная опасность того, что чудовищная нацистская расовая теория на поколения вперед будет довлеть над Европой. Булгаков подчеркивает: «Маниакальное самосознание (немцев. – *Л.Л.*), родившееся из чувства национального унижения, на наших глазах превращается в не менее маниакальное стремление к мировой гегемонии». Однако Булгаков считает, что успех этих гегемонистских устремлений невозможен: «Это есть скорее бредовая идея, нежели политическая программа, которая подсаживалась бы политическим разумом, а не национальной страстью. Конечно, в последовательном своем осуществлении она ведет к неминуемой катастрофе, может быть даже скорее и неожиданнее, нежели оно сейчас кажется», – писал он 21 сентября 1941 г., когда вермахт был уже недалеко от Москвы⁵⁶.

Тот факт, что нацистский режим пытался представить свою кампанию против России как освободительную борьбу, как «крестовый поход» против большевизма, Булгаков считал невероятным кощунством. Булгакову, в отличие от некоторых русских эмигрантских группировок, было с самого начала ясно, что «общая и последняя цель германского милитаризма... не терпит на своем пути существования России *вообще*, – а не большевизма»⁵⁷. При этом Булгаков был уверен, что германский империализм не сможет добиться успеха – Россию нельзя вычеркнуть с карты земли: «Такова для нас историческая аксиома». Невозможно допустить «победу христианской апостазии, в какие бы цвета крестоносцев она ни маскировалась, т.е. страны, объятай духовной болезнью, расизмом, и потому духовно обреченной на вырождение... Вырождаются, конечно, все государства и народности, каждая в свое время и от разных причин... Германия – от мании величия, которою она страдает в расизме ... Никто из нас не в состоянии определить, как и когда произойдет та германская катастрофа, но для нас несомненно, что она явится спасительной для Германии самой, поскольку будет освобождением от искушений расизма, духовным его извержением», – отмечал Булгаков в декабре 1941 г.⁵⁸

Булгаков пишет, что в погоне за физическим уничтожением евреев Германия не признает уже никаких моральных запретов. Этому истреблению «соответствует небывалая и невероятна утрата чувства стыда ... Особенно выразительна эта унижительная варваризация, как присущая народу, вчера еще высшей европейской культуры, никогда еще не опускавшемуся так глубоко. Конечно, в сохраняющейся еще духовно части германства это должно вызывать чувство национального стыда и покаяния, для которого еще не пришло, но придет свое время»⁵⁹.

⁵⁶ Там же. С. 60.

⁵⁷ Там же. С. 86-87.

⁵⁸ Там же. С. 87-88.

⁵⁹ Там же. С. 85.

Несмотря на свою сильную веру в возрождение Германии, Булгаков не считает нацизм инородным телом в немецком национальном организме: «Он не есть плод завоевания и насилия над народом... он принят – и восторженно принят – германским народом (хотя, конечно не всем). Разумеется, для последнего он есть явление духовного заболевания после войны с ее поражением и версальским уничтожением... Однако, и в прошлой Германии, наряду с чертами немецкого гения, существует эта мрачная волевая линия, которую не без успеха, а даже с торжеством теперь констатирует национал-социализм»⁶⁰.

Совсем по-другому, с точки зрения Булгакова, обстоит дело с большевизмом. Булгаков считает большевизм чужеродным телом в русском национальном организме, ничего общего не имеющим с русской духовностью: «Не следует забывать и того, что исторически, как и духовно, на всем вообще большевизме лежит марка *Made in Germany* – знак немецкого его происхождения. В Россию Ленин доставлен немцами, большевистский режим в первые годы получил выучку от немцев, а социалистическую муштру от германского марксизма»⁶¹.

Булгаков, анализируя большевизм, особое внимание уделяет рассмотрению в нем еврейского фактора. В этом контексте вызывает удивление, как решительный борец против разного рода мифов и легенд сам может стать жертвой мифа, а именно мифа о еврейском большевизме. Еще во время гражданской войны в России Булгаков часто ставил знак равенства между большевистским режимом и еврейством. Так, например, в 1919 г., сообщая об осквернении в России православных святынь, он говорил о кампании мести со стороны синагоги презираемому ею христианству⁶². Если учесть, что поход безбожного советского режима был направлен против всех религий, в частности и против иудаизма, что все борющиеся с религией большевистские функционеры, независимо от своего этнического происхождения, были воинствующими атеистами, порвавшими с верой своих предков, попытка Булгакова связать антицерковную борьбу большевиков с еврейской религией совершенно несостоятельна.

Но и через 22 года в своем эссе, написанном во время Холокоста, Булгаков говорит о ведущей роли еврейства в борьбе против христианства, причем не только в России, но и во всем мире: «Гонение на христианство... находило наибольшее осуществление со стороны еврейских ‘комиссаров’ безбожия»⁶³. Булгаков считает это обстоятельство настолько очевидным, что ему не нужны никакие доказательства. Страшные гонения, которые в годы Холокоста постигли евреев, составляют, по Булгакову, своего рода наказание за то, что «еврейство... через посредство большевизма совершило... значительнейшее в своих последствиях насилие над Россией и особенно, над Святой Русью, которое было попыткой ее духовного

⁶⁰ Там же. С. 116.

⁶¹ Там же. С. 114.

⁶² Булгаков С. О святых мощах: по поводу их поругания // Вестник РХД. 1992. № 1666. С. 50.

⁶³ Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. С. 98.

и физического удушения. По своему объективному смыслу это была попытка духовного убийства России»⁶⁴. Булгаков определяет большевизм как беспрецедентное грехопадение иудаизма, как победу сатаны над еврейством, которую одержала «еврейская» государственная власть с помощью евреев: «Да, большевизм есть именно еврейский погром, совершенный именно еврейской властью – ужасная победа сатаны над еврейством, совершенная через посредство еврейства»⁶⁵.

Как же объяснить эту почти полную дерусификацию русской революции у мыслителя, который десятилетиями во всех тонкостях изучал революционные и тоталитарные искушения, жертвами которых стали как русская элита, так и простой народ⁶⁶? Как мог один из самых значительных христианских богословов, который знал, что несоблюдение христианских заповедей было обычным делом для подавляющего большинства христиан, считать евреев инициаторами этих бесчисленных, идущих со времен возникновения христианства, отступлений многих христиан от Заветов Христа?

Хотя Булгаков и пишет в эссе «Расизм и христианство», что «антихристианство есть явление универсальное, в котором соединяются разные национальные и духовные потенции»⁶⁷, его релятивизация критики еврейства незначительна: перешивают моральные обвинения против евреев как таковых. Более того, иногда его суждения, по сути, совпадают с высказываниями столь страстно критикуемых им расистов-антисемитов, обвиняющих евреев в отсутствии творческого начала и неспособности понять характер культуры большинства. Все попытки евреев ассимилироваться имели лишь внешний успех, считает Булгаков, «поскольку сохранилось в нерушимости религиозно-национальное ядро». Поэтому евреи были чужеродным телом во всех обществах: «Израиль теперь является для всех чужим... Он агасферически применяется к чужому народу, его национальному государству и культуре, к ним органически *не* принадлежа. Уже тем самым он обречен на второсортность, при наличии органического притязания на первенство и руководящее значение, принадлежащее избранному народу»⁶⁸. Булгаков считает, что достижениям евреев в культуре не хватает подлинности, реальной глубины. Так как Израиль не принял Христа как своего Спасителя, он «утерял свой *гений*, взамен же его остается лишь полнота талантливости. Однако талант не есть гений и никогда не может с ним сравниться... духовно руководящая роль (евреями. – Л.Л.) утрачена... Поэтому и творчество еврейское онтологически *второсортно*, как бы ни было оно в *своём* роде ценно»⁶⁹.

⁶⁴ Там же. С. 137.

⁶⁵ Там же. С. 138.

⁶⁶ См. об этом: Булгаков. Героизм и подвижничество; его же. Два града.

⁶⁷ Булгаков. Еврейство и христианский вопрос. С. 78; см. также: Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба евреев). Париж, б.года изд. С. 20-31.

⁶⁸ Булгаков. Христианство и еврейский вопрос. С. 103.

⁶⁹ Там же. С. 99-100.

Если учесть, что эти аподиктические слова высказаны современником Фрейда, Эйнштейна, Кафки и Осипа Манделштама, они выглядят особенно странно. Удивительно, что русский эмигрант, т.е. человек, живущий на границе разных культур, не мог понять, что принадлежность евреев к различным культурным традициям предопределяет их способность переходить межкультурные границы, открывать новые горизонты, быть пионерами инновационной мысли.

Булгаков в значительной мере игнорирует то обстоятельство, что современный мир с его постоянной сменой перспектив и жадной экспериментаторства едва ли мыслим без модернизирующей роли евреев. Его прежде всего интересует не творческое, а негативное влияние евреев на современность: «Все области хозяйственной, политической и культурной жизни открыты (еврейскому) влиянию и ему подвержены: биржа, рынок, пресса, театр, наука, парламент, даже правительства... К этому присоединяется еще сила международной концентрации еврейского влияния, как национально-анонимной ‘противорасы’, которое осуществляется в соответствующих организациях: сюда относится масонство, социал-демократия, большевизм»⁷⁰.

Булгаков подробно говорит о пагубной роли евреев – большевистских функционеров, которые и в самом деле были широко представлены в большевистской элите первого советского десятилетия. Почему же тогда он игнорирует факт, что во всех антибольшевистских группировках, принадлежавших к демократической части русской общественности, евреи тоже находились в первых рядах? Евреи были также среди тех мыслителей, кто, наряду с Булгаковым, предостерегал русскую интеллигенцию от обожествления революции. Евреями была почти половина, трое из семи, авторов *Vex* – Семен Франк, Михаил Гершензон, Александр Изгоев (А.С. Ланде). Вызывает недоумение, что и это не привело к смягчению антиеврейских тирад Булгакова.

Авторизованный перевод с немецкого Бориса Хавкина

⁷⁰ Там же. С. 66. Такого рода высказывания Булгакова вызвали острую критику известного православного богослова Александра Шмемана. См.: Вестник РХД. 2012. № 200. С. 178.